

К ДАТИРОВКЕ ПОЗДНЕСКИФСКИХ ЗОЛОТЫХ УКРАШЕНИЙ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ МИДУ

В данной работе речь идет об одной из коллекций Музея исторических драгоценностей Украины, а именно о коллекции позднескифских золотых украшений из могильника Заветное. При этом внимание уделено не самим украшениям, их стилистическому анализу или поиску аналогий, а определению узких дат комплексов, в которых они были найдены, а также общим выводам, проистекающим из этих определений. Большая часть данной коллекции представлена в экспозиции Музея, отдельные вещи берегаются в его фондах, а также в фондах БГИКЗ и ГИМ.

Заветнинский могильник расположен на окраине одноименного села Бахчисарайского района АР Крым, в 300 м к юго-западу от городища Алма-Кермен, с которым он, по-видимому, связан. Памятник был открыт в 1953 г. и исследовался экспедициями БГИКЗ и ГИМ под руководством Н.А. Богдановой в течение 12 полевых сезонов с 1954 по 1981 гг. Всего тогда было вскрыто 297 могил¹. Еще несколько десятков погребальных сооружений изучены в 2004–2006 гг. экспедицией КФ ИА НАНУ под руководством Ю.П. Зайцева². Судя по результатам этих работ некрополь функционировал в течение примерно 200 лет с середины I в. н.э. до середины III в. н.э. Предметы из золота отмечены в 12 его комплексах. Последние представляли собой индивидуальные захоронения в простых грунтовых или, значительно реже, подбойных могилах. Большинство покойных находилось в деревянных гробах или колодах, сохранившихся до наших дней в виде отчетливых прослоек коричневатого тлена. Ориентация погребений неустойчивая: головой на запад — 3 захоронения, головой на юго-запад — 6 захоронений, головой на юг — 1 захоронение, головой на юго-восток — 2 захоронения. По сопровождающему инвентарю все комплексы можно разделить на две хронологические группы.

Первую хронологическую группу составляют девять могил (№№ 7, 8, 16, 65, 93, 195, 232, 254 и 330), содержавшие абсолютное большинство золотых украшений: проволочные серьги, украшенные по ободу пирамидками зерна (могила № 7) или

тремя рядами колечек (могилы №№ 8, 16, 195 и 330), амфоровидные серьги с цепочками (могила № 232) и без них (могила № 65), погребальные венки, наглазники и нагубники (могилы №№ 65 и 195), перстень со стеклянной вставкой (могила № 65), разнообразные кулоны, медальоны, подвески (могилы №№ 8, 93, 195 и 254), нашивные бляшки и пронизи (могилы №№ 7, 8, 65, 93, 195 и 232) (рис. 1: 1–13).

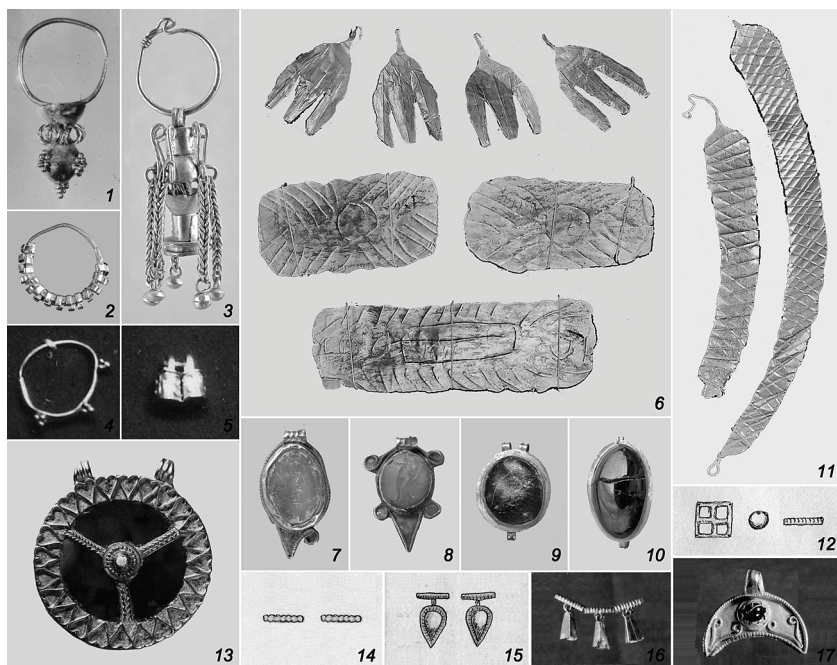

Рис. 1. Основные типы золотых украшений из могильника Заветное: 1–13 — украшения из могил первой хронологической группы (1, 6 — могила № 65; 2, 7, 8 — могила № 195; 3, 12 — могила № 232; 4 — могила № 7; 5 — могила № 8; 9, 10, 11 — могила № 93; 13 — могила № 254), 14–17 — украшения из могил второй хронологической группы (14 — могила № 99; 15 — могила № 216; 16, 17 — могила № 286).

Остальной погребальный инвентарь в них не очень разнообразен. Хронологически наиболее показательные находки — гончарные бутылкообразные флаконы³ (могилы №№ 65 и 232), красноглиняный кувшин с биконическим туловом, украшенный на плечиках узором в виде гирлянды плюща⁴ (могила № 65), двуручный канфар с низким цилинд-

рическим корпусом⁵ (могила № 65), краснолаковая чашка “самосской” группы с клеймом в форме розетты⁶ (могила № 93), парные лепные курильницы: реберчатая и простая полусферическая⁷ (могила № 8), лучковые фибулы I и IV серий варианта 2⁸ (могилы №№ 7, 16 и 254), одночленная сильно профилированная фибула с расширенной головкой⁹ (могила № 330), антропоморфная шарнирная брошь¹⁰ (могила № 93), зеркало “бактрийского” типа¹¹ (могила № 232) и т.д. Датировка всех указанных вещей не выходит за рамки середины — второй половины I в. н.э., многие из них характерны только для третьей четверти этого столетия, что позволяет датировать захоронения данной группы второй половиной I в. н.э. с явным уклоном к середине — третьей четверти столетия.

Ко второй хронологической группе относятся только три комплекса (могилы №№ 99, 216 и 286). Золотые украшения в них единичны — это небольшие гофрированные пронизи (могила № 99), маленькие подвески в виде листочков (могила № 216), лунница и подвески-колокольчики (могила № 286) (рис. 1: 14–17). Зато остальной инвентарь достаточно разнообразен. Так, в могиле № 99 помимо золотых пронизей были найдены краснолаковые тарелка с вертикальным бортиком и чашка со скошенным внутрь краем, стеклянный флакон, серебряные проволочные серьги, бронзовые браслеты со змеиными головками, десять перстней со стеклянными вставками, большое количество бус, фрагменты деревянной шкатулки, обломок смычковой фибулы и восемь бронзовых монет: семь оболв 78 г. н.э. и один тетрассарий 89 г. н.э. Инвентарь могилы № 216 еще более многочисленен — узкогорлая светлоглиняная амфора типа С, стеклянные двуручный кубок и бальзамарий, краснолаковая чашка со скошенным внутрь краем, орнаментированное зеркало-подвеска, лучковая фибула I серии варианта 4, провинциальная двучленная сильно профилированная фибула, шарнирная брошь сложной формы, украшенная разноцветной эмалью, деревянная шкатулка с бронзовыми оковками, серебряные проволочные серьги, кольца со стеклянными вставками, разнообразные бусы и т.п. Не менее выразительны и находки в могиле № 286 — аналогичная шкатулка с бронзовыми оковками, стеклянный бальзамарий, орнаментированное зеркало-подвеска, фибулы смычковая и лучковая I серии варианта 3, бусы и пр. Все перечисленные вещи датируют захо-

ронения второй хронологической группы II в. н.э., причем могилу № 99 по сочетанию стеклянного флакона второй половины I — начала II вв. н.э.¹² и смычковой фибулы II — первой половины III вв. н.э.¹³ следует относить к началу II в. н.э., могилу № 286 по находке лучковой фибулы I серии варианта 3 — к первой половине — середине столетия¹⁴, а могилу № 216 по узкогорлой светлоглиняной амфоре типа С¹⁵, шарнирной броше с эмалью¹⁶ и фибулам сильно профилированной¹⁷ и лучковой I серии варианта 4¹⁸ — к последней четверти или концу указанного столетия.

Таким образом, приведенный хронологический анализ отчетливо показывает, что девять из двенадцати заветнинских погребений, содержавших золотые украшения, были совершены в течение первых 50 лет существования некрополя и только три из них приходится на последующие 100 лет его жизни. При этом в захоронениях заключительного этапа функционирования памятника — первая половина III в. н.э. — предметы из золота до сих пор не найдены, хотя именно ко II — первой половине III вв. н.э. относится большинство исследованных могил.

Здесь следует отметить, что такая ситуация не случайна. Аналогичную закономерность мы можем наблюдать и на других позднескифских могильниках первых веков н.э., в частности на Усть-Альминском некрополе, где абсолютное большинство погребений с золотыми украшениями также датируется серединой — третьей четвертью/второй половиной I в. н.э.¹⁹ При этом, как и на других памятниках Предгорного Крыма, на Усть-Альме в захоронениях II — первой половины III вв. н.э. предметы из золота единичны и незначительны по своим размерам. Новый всплеск популярности золота заметен лишь в середине — второй половине III в. н.э., когда золотые изделия вновь становятся массовыми и нередко встречаются в погребениях целыми наборами (Дружное, могила № 24; Черноречье, могилы №№ 3, 35 и др.). Затем, в IV в. н.э., предметы из золота снова становятся редкостью, и лишь в конце столетия ситуация опять меняется самым коренным образом — повсеместно распространяются вещи так называемого гуннского полихромного стиля.

Если мы сопоставим полученные результаты с политической историей Северного Причерноморья, известной нам по письменным источникам, то сразу же заметим, что всплески

популярности золотых украшений четко совпадают по времени со смутными периодами в истории Причерноморья. Так, середина — третья четверть I в. н.э. — время появления на исторической арене алан, период их походов в закавказские страны и мощной подвижки сарматских племен к западу²⁰. В это же время в причерноморских и волго-донских степях широко распространяются предметы, изготовленные в своеобразном золото-бирюзовом стиле; в Крыму подобные изделия единичны, зато массовое распространение получают золотые украшения античных мастеров. Затем, в последующий период, во II — первой половине III вв. н.э. — время определенной политической и экономической стабильности в Северном Причерноморье — количество золотых украшений в погребениях резко сокращается, они становятся простыми и незначительными по своим размерам. Новый всплеск моды на золото и формирование нового ювелирного стиля (так называемого “кишпекского”) — середина — вторая половина III в. н.э. — приходится уже на эпоху готских походов: вторжение готов в Причерноморье и разгром ими большинства экономических центров региона. Очередная стабилизация политической ситуации в IV в. н.э. опять приводит к сокращению золотых украшений в погребениях, и только с вторжением гуннов в конце столетия ситуация снова коренным образом меняется.

В результате напрашивается вывод, что чем более насыщена эпоха различными потрясениями, войнами и погромами, тем ярче и выразительнее ювелирный стиль. И, напротив, спокойные и стабильные времена неизбежно приводят к быстрой деградации и забвению ювелирного искусства; достаток и благосостояние начинают измеряться не размерами и массой золотых украшений, а количеством и разнообразием инвентаря, наличием дорогих импортных изделий, роскошной посуды и “диких” безделушек. Следующие вслед за тем новые потрясения вновь обращают взгляд людей к “вечным ценностям” — золотым украшениям, что приводит к быстрому формированию нового ювелирного стиля.

Если же мы применим это заключение к предшествующему этапу, а именно к периоду освоения сарматами причерноморских степей — II в. до н.э., то сразу же отметим скромность погребального инвентаря сарматских могил этого времени. Ювелирные изделия в них единичны и, как правило, повторяют

по своим типам позднескифские золотые украшения из Предгорного и Северо-Западного Крыма, где они представлены в гораздо большем количестве; и, тем более, мы не встретим у сарматов ничего похожего по роскоши на захоронения в мавзолее Неаполя Скифского. В этой связи, складывается впечатление, что освоение сарматами причерноморских степей происходило очень мирно и малозаметно: сарматские племена действительно занимали давно опустевшие земли и при этом не вступали в какие-либо конфликты с окрестным населением. Центр политической активности во II в. до н.э. находился на юге — в Крыму (что, в частности, отражают события периода походов Диофанта, известные нам по письменным источникам), где и наблюдается концентрация большинства золотых украшений этого времени.

Примечания:

- ¹ Богданова Н.А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. — М., 1989.
- ² Зайцев Ю.П., Волошинов А.А., Кюнелт Э., Масыкин В.В., Мордвинцева В.И., Фирсов К.Б., Флесс Ф. Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермен) I — III вв. н.э. в Юго-Западном Крыму. Раскопки 2004 г. // Древняя Таврика. — Симферополь, 2007; Зайцев Ю.П., Волошинов А.А., Масыкин В.В., Мордвинцева В.И., Фирсов К.Б., Флесс Ф. Охранные исследования городища и некрополя Алма-Кермен в 2004–2005 гг. // Археологічні дослідження в Україні 2005–2007 р. — К., 2007; Волошинов А.А., Масыкин В.В. Погребения с оружием из некрополя римского времени у с. Заветное в Юго-Западном Крыму (раскопки 2005–2006 гг.) // Древняя Таврика. — Симферополь, 2007.
- ³ Труфанов А.А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. — III в. н.э. // *Stratum plus*. — 2005–2009. — № 4. — С.195. — Рис. 12: 8–12.
- ⁴ Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. — III в. н.э. Погребальные памятники. — Симферополь, 2007. — Рис. 165: 2.
- ⁵ Труфанов А.А. Указ. соч. — С. 159. — Рис. 22: 1–2.
- ⁶ Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика группы Восточная сигиллята В из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Древности Евразии. — М., 1997. — С.242–243. — Рис. 5: 4.
- ⁷ Труфанов А.А. Указ. соч. — С. 138. — Рис. 7.
- ⁸ Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. — К., 2010. — С. 72, 161. — Рис. 31, 47.

- ⁹ Волошинов А.А., Масыкин В.В. Указ. соч. – Рис. 3: 4.
- ¹⁰ Масыкин В.В. Римские фибулы и детали ременной гарнитуры из некрополя Заветное // Древняя Таврика. – Симферополь, 2007. – Рис. 1: 3.
- ¹¹ Литвинский Б.А. Хронология и классификация среднеазиатских зеркал // Материальная культура Таджикистана. – Душанбе, 1971. – С. 46; Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. – Саратов, 1990. – С. 144–146; Симоненко А.В. Китайские и “бактрийские” зеркала у сарматов Северного Причерноморья // Музейні читання. – К., 2000. – С. 142–143.
- ¹² Сорокина Н.П. Два стеклянных сосуда из Заветнинского могильника // Поздние скифы Крыма (Тр. ГИМ. – Вып.118). – М., 2001. – С. 10–12. – Рис.1: 7.
- ¹³ Кропотов В.В. Указ. соч. – С. 169–170.
- ¹⁴ Там же. – С.74–77.
- ¹⁵ Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н.э. Классификация и хронология // КСИА АН СССР. – 1978. – № 156. – С. 18.
- ¹⁶ Масыкин В.В. Указ. соч. – Рис. 2: 4.
- ¹⁷ Там же. – Рис. 1: 5.
- ¹⁸ Кропотов В.В. Указ. соч. – С. 77–80.
- ¹⁹ Loboda I.I., Puzdrovskij A.E., Zajcev J.P. Prunkbestattungen des 1. Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1996 // Eurasia Antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. – Bd. 8. – Mainz, 2002; Puzdrovskij A.E., Zajcev J.P. Prunkbestattungen des 1. Jh. n. Chr. aus der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1999 // Eurasia Antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. – Bd.10. – Mainz, 2004; Древние сокровища Юго-Западного Крыма. – Симферополь, 2005; Пuzdrovskij A.E. Погребения сарматских “жриц” из Юго-Западного Крыма // Stratum plus. – 2011. – № 4.
- ²⁰ Щукин М.Б. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. н.э. в Центральной и Восточной Европе // СА. – 1989. – № 1. – С. 70–83.